

"Гарри!" воскликнула Гермиона, вскакивая со своего места и бросаясь к нему, прежде чем Рон успел остановить ее. "С тобой все в порядке? Что случилось вчера? О чем ты думал, убегая и оставляя нас? Мы говорили об этом, Гарри. Мы с Роном должны были пойти с тобой. Мы собирались сделать это вместе. Ты не можешь менять наши планы и единолично принимать такие решения. Почему ты так поступил? Почему?" "Гермиона!" сказал Рон, схватив ее за плечи и ведя ее обратно к столу. "Дай ему возможность высказаться. Я бы тоже хотел это услышать", - Гарри видел, как покраснели уши Рона, и знал, что Рон не меньше его расстроен тем, что он оставил их. Гарри глубоко вздохнул, пытаясь сдержать раздражение. "Прости, что не сказал тебе, что ухожу. Я просто решил, что мне нужно увидеть могилы родителей в одиночестве". Он посмотрел на Джинни. "Вот куда я отправился, в дом моей семьи в Годриковой впадине". "Да. Мы сами догадались об этом", - сказал Рон. "Но почему?" жалобно воскликнула Гермиона. "Слишком опасно делать такие вещи в одиночку, Гарри. Мы уже планировали это", "Планы изменились", - сказал Гарри, в отчаянии проведя рукой по волосам. "Слушай, я не знаю, смогу ли я заставить тебя понять это, но это было то, что я должен был сделать один. Я не буду делать этого снова; мы вместе, но я должен был сделать эту часть в одиночку". "Что случилось, пока ты был там?" спросила Гермиона. Гарри не был уверен, на что она злится больше: на то, что он пошел один, или на то, что он изменил ее тщательно продуманные планы. "Гермиона", - предупредительно сказала Джинни, впервые заговорив с тех пор, как он вошел в комнату. Не сводя глаз с лица Гарри, она сказала: "Я думаю, что это могло быть довольно личным для Гарри". Гарри почувствовал поддержку от ее защиты и слабо улыбнулся. "Спасибо, Джинни. Это было трудно, и мне действительно нужно поговорить с вами о некоторых вещах. Может быть, мы могли бы подняться в гостиную, где будет более уединенно?"

Он настороженно следил за дверью, надеясь, что их не прервут. Кухня всегда казалась центром активности в штаб-квартире. Когда они поднимались за ним по лестнице, сердце Гарри бешено колотилось. На этот раз он действительно облажался. Ему нужно было поговорить с Роном и Гермионой наедине, чтобы собраться с мыслями перед тем, как подойти к Джинни. Но как он мог попросить ее уйти, не ранив ее чувств, или, что еще хуже, не получив порчу? Рон взял проблему из его рук. "Уймись, Джинни", - сказал он, поворачиваясь в дверном проеме, чтобы загородить ей вход. "Что?" возмущенно спросила Джинни, на ее лице ясно читались удивление и раздражение. Она сложила руки на груди и посмотрела на брата. Рон скрестил руки на груди: "Нам нужно обсудить вещи, которые тебе не нужно слышать. Ты можешь пообжиматься с ним позже". "Ты так просто от меня не отделаешься, Рон. Я тоже хочу знать, что случилось в Годриковой впадине. Ты ведь не возражаешь, Гарри?" - спросила она, глядя на него снизу вверх, на ее щеках появился румянец. Гарри заметил в ее глазах неуверенность, и он проклял Рона за его бестактность. "Отойди, Рон. Дай мне минутку", - сказал он, втолкнул Рона в комнату и повернулся лицом к Джинни. Ее глаза слегка блестели, и его желудок сжался. "Джинни, я действительно хочу рассказать тебе о Годриковой впадине. Есть вещи, о которых я хочу поговорить с тобой и которые я не могу обсуждать с Роном и Гермионой, но есть и то, что мне нужно обсудить с ними, но я просто не могу поделиться с тобой. Я обещал. Пожалуйста, пойми", - сказал Гарри, и его сердце упало, когда он увидел решительный блеск в глазах Джинни.